

ОБЛАКО ЖЕЛАНИЙ

ФИОНА ВУД

like
book

Эта невероятная жизнь

Фиона Вуд

Облако желаний

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Вуд Ф.

Облако желаний / Ф. Вуд — «Эксмо», 2015 — (Эта невероятная жизнь)

ISBN 978-5-04-094777-5

Мастер-класс по литературному мастерству в первый же учебный день? Почему бы и нет. Ван Блок сразу поняла, что будет трудно, а о трудностях она знала все. Одно ее имя чего только стоит! Приглашенная писательница сразу взялась за дело. Она призывала учеников окунуться в свои фантазии и дать им выход – только так они сбудутся. У Ван Блок фантазии были двух видов: подпитывающие (приятно думать, что они могут сбыться) и бессмысленные. Взять, например, мечту о Билли Гардинере. Эта, конечно, бессмысленная. Он встречается только с популярными девчонками, а она явно не такая. Но в этом году что-то идет не так. Парень обращает на нее внимание, да какое. Вот только быть предметом воздыханий Ван Блок не привыкла. Что делать и у кого просить помощи? Ну не у Джейн Эйр же!

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-094777-5

© Вуд Ф., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	18
5	21
6	24
7	28
8	31
9	33
10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фиона Вуд

Облако желаний

Fiona Wood
CLOUDWISH

Copyright © 2015 by Fiona Wood

This edition is published by arrangement with Jill Grinberg Literary Management and The Van Lear Agency LLC.

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Ученикам и преподавателям Пятничной вечерней школы, бывшим
и нынешним.*

*В Джейн Эйр я узнаю себя. Меня удивляет, что многие люди
не видят собственных отражений в героях. Между мной и Джейн не
существовало никаких барьеров. Мы были словно одним целым.*

Элис Уолкер

*Сиднейский фестиваль писателей,
2014 г.*

1

Дома она могла наслаждаться особым видом на мир, на все его просторы – через закопченное, узенькое окошко в коридоре. Закрепленный кусок стекла размером ровно шестьдесят пять на восемьдесят сантиметров. Когда-то ей приходилось вставать на цыпочки, чтобы посмотреть в него, и каждый вечер город превращался в освещенную электрическими лампочками сказочную страну. Когда-то, когда она еще верила в сказки.

* * *

Мастер-класс по литературному мастерству в первый учебный день? А они не шутили в своей напутственной речи, когда сказали, что в этом году следует сразу же взяться за учебу. Приглашенная писательница, Ронетта Бартлок (должно быть, псевдоним), вещала о фантазиях. Она призывала учеников передать смысл фантазии так широко, как захочется им самим – *большое спасибо* – от сказок до политических манифестов. Под конец дня всех клонило в сон, и было почти невозможно вслушаться в ее тихий монотонный голос.

Для Ван Ёок фантазии разделялись на две категории: подпитывающие и бессмысленные.

Взять, например, мечты о Билли Гардинере? Бессмысленные. Они вызывали у нее легкую тошноту, как когда переешь сладкого. К тому же шансы на то, что им суждено сбыться, равнялись нулю – она уже как два года наблюдала за Билли Гардинером в его естественной среде обитания и убедилась в одном – он встречается с девчонками типа Пиппы, Тифф или Авы. Красотками, которые у всех на виду. Да и то недолго.

У шкафчиков сплетничали, что во время летних каникул он на паре вечеринок переспал с Холли.

Ван Ёок позволила себе украдкой взглянуть на этого самого парня. Он стоит прямо через проход. Так близко, что можно коснуться. Потягивается на стуле. Ладони, покрытые мозолями от весел, закинута за светловолосую голову с неопрятной прической. Рукава закатаны, на руках выступили мышцы. В профиль его нос идеально соотносится со лбом и подбородком в совершенных пропорциях, которые, должно быть, и определяют визуальную гармонию. Золотое сечение. Она улыбнулась, представив, как измеряет его лицо, чтобы проверить эту теорию. Его глаза были закрыты. Он внимательно слушал? Или дремал? Наверное, он уже в половине шестого утра был на реке, со своей командой по гребле...

Подпитывающие фантазии... лучше было не злоупотреблять ими прямо перед сном – иначе можно настолько увлечься, что сон так и не придет.

Мечты об открытии собственной художественной выставки были подпитывающими. Она с легкостью, словно это реальность, представляла себе картинку за картинкой. Драматичные, снятые крупным планом, детальные изображения красивых вещей, вычурная, но модная толпа. Свои скромные благодарности в ответ на льющиеся медом похвалы. *Нет, ну что вы... Вы слишком добры...* Вспышки камер. Одежду... что-то в андрогинном стиле, строгое, от какого-нибудь японского дизайнера. Сланцево-серого цвета. Билли Гардинера, который *жалеет*, что он не общался с ней в школьные годы. *Злится на себя* из-за этого.

Но она верила, что даже самые потаенные мечты вполне могут воплотиться в жизнь. За исключением сцен с Билли Гардинером. Если она будет усердно трудиться, то все может быть.

К счастью, фантазии – это глубоко личное. И ее родители никогда про них не узнают. Потому что в *их* мечтах она была доктором. Белый халат. Стетоскоп. Высокие доходы. Комфортная жизнь для всех членов семьи. Большой дом в заветном пригороде Кью. (И почему все так одержимы Кью?)

Вот такая маленькая помеха.

Маленький сбой на «мечтыцелижеланияточкаком».

Но в этих подпитывающих фантазиях была одна дверь, которую лучше было не открывать. За той дверью стояли мама и папа – трудоголики, иммигранты в первом поколении, едва говорящие по-английски австралийцы вьетнамского происхождения – и кричали «нееееееееет», как в замедленной съемке в фильмах ужасов. А потом нападали на нее с тупыми предметами.

Она сделала глубокий вдох. Перед рукопашной с родителями по поводу выбора курса в университете предстояло сперва окончить школу. А сейчас лишь первая неделя двухлетней программы подготовки к поступлению в высшие учебные заведения – «Международный бакалавриат»¹ в школе Кроуторн-Грэммар, в которой она училась с девятого класса.

Как бы то ни было, Ван Блок ограничила себя в желаниях, мечтах и фантазиях, потому что была слишком прагматична. Она предпочитала то, что можно доказать или поддержать в руках. Реальное, осязаемое – надежный материальный мир. Физику. Химию. Искусство. Больше всего остального – искусство.

Ван Блок положила ладони на колени и несколько раз растянула пальцы – это упражнение порекомендовал доктор, когда в прошлом году ей диагностировали травму повторяющихся нагрузок. Тогда она была невероятно подавлена этой новостью, потому что пришлось переработать содержание портфолио, которое она готовила к завершению учебной программы, и заменить свои фотореалистичные, нарисованные быстрыми мазками рисунки на настоящие фотографии. Как и барабанщики, художники очень суетливы; она скучала по ощущению карандаша в пальцах, который был словно их продолжением, и до сих пор ее ладонь дергалась из-за его отсутствия. К счастью, фотокамера тоже отлично прижилась в руке.

Раскрасневшись от воодушевления, в викторианских сапожках и сарафане в стиле ретро, мисс Бартлок предложила классу выбрать по предмету из ее коробочки с творческими заданиями.

Этот курс ставил перед ними задачу представить вещи такими, какими они могли бы быть, а не такими, какими они являются на самом деле. Позволить себе перенестись в другие места, в другое время.

Холли Бродерик рассказывала о пентхаусе своей подруги, и, видимо, это был предел *ее* мечтаний. Эта девица – дитя любви Ухмылки и Оскала. Половину своего времени она тратит на то, чтобы произвести впечатление, другую половину ищет, кого бы втоптать в грязь. Холли не такая красивая, как Ава, не такая богатая, как Пиппа, не принадлежит к элите, как Габи, но, черт, ей нет равных по части злорадства. Если бы Холли могла почувствовать всю неприязнь Ван Блок, то она, наверное, сразила бы ее насмерть. Легче всего было избегать встречаться с ней взглядом, дабы не спровоцировать смертельных случаев, хотя Холли их вполне заслуживала.

Почему дни в начале учебного года тянутся так медленно, а в конце – проносятся со скоростью света? Неужели прошло всего шесть часов с тех пор, как она надела отутюженную мамой летнюю школьную форму и выглянула в окно, чтобы полюбоваться видом на миллион долларов? Хотя квартира в пентхаусе в Мельбурне обладает видом на все два, а может, и три миллиона. Цены на недвижимость становятся просто нелепыми!

Ее родители все равно не платят за вид из окна. Они живут за счет государства. В захудалом муниципальном многоквартирном доме с низкой арендной платой. Ван Блок была единственной в классе, кто живет в таком месте. Но вид из окон их квартиры прекрасен. Вернее, то,

¹ International Baccalaureate (IB) (*англ.*) – универсальная школьная программа с общим учебным планом для всех стран-участниц, которая гарантирует поступление в лучшие вузы мира. Разработана в Швейцарии в 1968 году и с тех пор получила широкое распространение во всем мире. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

что можно было разглядеть через маленькие стекла в алюминиевых рамах, покрытые снаружи вековым слоем грязи.

Когда коробочка с заданиями оказалась у Ван Блок, все интересные штуковины уже разобрали. На партах одноклассников лежали маленькие пластиковые куклы и машинки, перья экзотических птиц, старые монеты, пара карт Таро, осколки фарфора и даже несколько косточек. Она порылась в коробке. Остались лишь бесполезные ракушки и, естественно, винтажные почтовые открытки. Классика жанра. Скромным достаются самые отбросы.

Она ненавидела литературное творчество. Это было ее самой нелюбимой частью английского языка, и ей казалось, что она уже написала столько сочинений, чтобы хватило закрыть этот курс. Лето прошло не особо ярко. Была куча времени, чтобы как следует подготовиться к учебному году.

Мисс Бартлок подошла к ней, помешала рукой содержимое коробки и снова протянула ее Ван Блок. Из-под открыток выглядывала стеклянная колбочка. Это уже было интересно. Ван Блок взяла ее, чтобы рассмотреть поближе: маленькая трубочка из стекла, с каждой стороны закручена крышечкой. Внутри виднелся клочок бумаги с выцветшими чернилами, на котором тонким витиеватым почерком написали: «ЗАГАДАЙ ЖЕЛАНИЕ».

Колбочка нагрелась в руке до температуры тела, когда она выбрала ее, как им было сказано. «Загадать желание» ассоциировалось обычно с Билли Гардинером. В каком-то другом мире она могла бы быть частью всего этого. А не жить в свалке с ярлыками «ученица на стипендии»/бедная/умная/азиатка. Она была бы одной из компании. Многие из «компании» были азиатами; это многонациональное общество. Но, в отличие от Ван Блок, они принадлежали к привилегированному классу: дети из диаспоры, местные во втором или третьем поколении.

Она представляла, что у нее есть деньги в кармане на то, чтобы после школы выпить кофе где-нибудь на Гревилл-стрит. Свободные выходные, чтобы просто потусоваться с друзьями. Истории о том, где она провела последние праздничные каникулы, чтобы поделиться ими. Семья, в которой она чувствовала бы себя расслабленной и принимала как должное, хотя порой и могла пожаловаться. И парень, как Билли Гардинер. Она получила разрешение – почти прямой приказ – загадать желание. Глубокий вдох. И она загадала желание, болезненно осознавая его неосуществимость, понравиться Билли Гардинеру. Даже больше, чем просто понравиться. Пусть он предпочтет ее всем другим девочкам в школе. Всем другим девочкам в мире. Пусть он считает ее... *потрясающей*.

– Прошу каждого что-нибудь написать, – говорила мисс Бартлок, глядя на часы.

Ее голос звучал так монотонно, как у кого-то, кто проводит медитацию. К тому же ее глаза были закрыты.

– Просто начните писать... позвольте словам вытекать... откройтесь для своей темы... приветствуйте любую идею, пришедшую на ум... не думайте о правописании или грамматике... помните про замечательные команды «выбрать все/удалить» – это будет вашей разминкой, ничем не стесненной, и этого никто не увидит.

Оглянувшись по сторонам, Ван Блок ощутила неловкость, осознав, что она единственная из всего класса не стучит по клавишам ноутбука. Быть последней – пусть даже в свободном сочинительстве – это не в ее правилах.

И тут же появились идиотские комментаторы. Они без приглашения поселились в ее голове и вставляли замечания по поводу каждого ее огреха. Это были два седых старичка, и они обижали Ван Блок критикой, стоило ей хоть на секунду замяться в нерешительности, сделать хотя бы одну ошибку.

– Да, наша ученица на стипендии напортачила.

– Эта приглашенная писательница расскажет в учительской о ее медлительности?

– Вполне возможно.

– Возможно? Да так и будет! Ван Ыок Фан нужно взять себя в руки, если она планирует окончить школу.

Ван Ыок разжала пальцы, чтобы еще раз взглянуть на стеклянную колбочку, но она исчезла. Наверное, выскользнула из руки, когда Ван Ыок предавалась мечтам о Билли. Она посмотрела на колени. Нагнулась, чтобы проверить под партой. Проверила под стулом. Под партой перед собой. Под партой позади. В своем пенале. Выложила все из пенала. Уронила кое-что из пенала на пол. От растущего чувства неловкости ее щеки запылали все сильнее. Учительница, наверное, решит, что она украла колбочку, – Ван Ыок, как самая бедная ученица класса, все время этого опасалась. Черт, да куда же она подевалась?

Все, кажется, были заняты сочинением. Поэтому она рискнула встать из-за парты. Да нет же, вряд ли колбочка угодила в ее платье. Ван Ыок встала, оттопырила платье спереди, посмотрела вниз, встряхнулась, стараясь сделать это как можно незаметнее. Подвигала плечами. Подпрыгнула. Но из платья ничего не выпало.

– Что-то потеряла? – На нее странно смотрел Билли Гардинер. И неудивительно. Понятное дело, он видел все ее попытки отыскать колбочку. Он нагнулся и поднял с пола ручку. – Это?

– Нет. – Она забрала ручку. – Но все равно спасибо.

Ван Ыок подняла руку, и к ней подошли викторианские сапожки.

– Простите, я куда-то надевала такую маленькую... – Ван Ыок пальцами показала размер колбочки.

Мисс Бартлок кивнула и зашептала, видимо, чтобы не отвлекать остальных учеников.

– Не волнуйся... прости, как тебя зовут?

Занервничав, Ван Ыок произнесла свое имя на самом правильном вьетнамском, с ритмичными двойными гласными и восходящей интонацией над «о» в «Ыок». Мисс Бартлок не совсем уловила произношение, поэтому она повторила свое имя с типичной для английского языка ровной интонацией, как обычно представлялась в школе, потому что так все могли выговорить, как ее зовут: Ван Ок.

– Вещи из этой коробочки пропадают, но потом возвращаются на место.

– Но я везде смотрела.

– Тебе лучше начать работу – я пообещала мисс Нортона, что после урока вам всем будет, чем заняться.

Ладно. Свободное сочинительство. Свободное свободноееееее мнееееее тебееееее бла-бла-бла желание на тему фантазии желание мелькание жужжание желание зажигание заклинание ликование наказание описание что я напишу я напишу сочинение правильно неправильно свободно войти желание желание желание я желаю я желаю что прочитала статью про новый закон гребаного правительства о людях-беженцах как они смеют как они смеют стоять в своей крепости на высотах в башнях привилегий и клеймить обрушивать опалу на людей которые не могут отыскать точку опоры в зеленых водах плывут тонут мягкий песок песок очень далеко слишком далеко далеко далеко внизу никогда не достигнуть берега они не отличаются от нас мы и они они это мы мы они и мы это они они и мы они мы они мы они мы желаем чтобы мы они они желают чтобы мы ушли ладно разминка.

Выделить все. Удалить.

Творческое задание: Слово «желание». Ван Ыок Фан. Английский язык: 11015EN(N).

Многие из нас хотят одного и того же, это простое желание, но, однако, оно трудно выполнимо: мы хотим жить в справедливом обществе, где все равны, и это общество готово

принимать тех, кто ищет убежище от политических и религиозных преследований. Мои родители нашли такое общество, когда в тысяча девятьсот восьмидесятом году приплыли из Вьетнама в Австралию на обычной лодке. За прошедшие годы хорошего в этом обществе поубавилось, и когда к власти пришло коалиционное правительство, политика в отношении иммигрантов, к сожалению, ужесточилась. Я желаю, чтобы все было по-другому...

Полчаса пролетели в приступе политического гнева. Как посмело правительство называть людей, ищущих убежища и прибывших на лодках, «нелегалами», намеренно вводя в заблуждение свой электорат? Поколение, к которому принадлежали ее родители, получило убежище после падения Сайгона. Европейцы получили убежище после Второй мировой войны. Сейчас построили специальные центры временного размещения беженцев на островах Манус и Науру, где содержались *дети* из Ирака и Афганистана. Австралия стала страной, которая перестала заботиться о своих гуманитарных обязанностях. Как так?

Печатая все это, Ван Блок старалась представить себе те страх и отчаяние, которые испытывали люди, рискнувшие бежать вот таким способом, подвергая опасности как себя, так и членов своих семей.

Билли Гардинер больше в ее мыслях не появлялся.

Интересно, все ведут такую двойную жизнь?

* * *

Собираясь домой после занятия по игре на гобое, Ван Блок заметила, что у шкафчиков не осталось никого, кроме Билли Гардинера. И он, как оказалось, смотрел на нее.

– Ну что, ты нашла, что искала?

Он не мог говорить с ней. Билли Гардинер никогда не оставался после уроков, чтобы поболтать с Ван Блок Фан.

Он подошел на несколько шагов ближе. «Зажужжал». Вынул из кармана телефон, посмотрел на него, отключил и убрал обратно.

– То, что, как ты думала, было у тебя в платье – ты нашла это?

Билли улыбался, задавая вопрос. В своем списке важных дел популярного парня он поставил ее на первое место и даже не ответил на телефонный звонок. Внимательно смотрел на нее. Не в духе «прости, что задел тебя, когда проходил мимо», и не в духе «оглядывал толпу и не собирался смотреть на тебя», и не в духе «не знаю, кто ты». Нет, он смотрел ей прямо в глаза. Ждал ответа. Готов был слушать.

– Нет, – сказала она. – Не нашла.

И ушла.

– *Как мило, Ван Блок*, – тихо проговорили комментаторы в голове. – *Именно так и нужно себя вести, когда с тобой говорит парень твоей мечты.*

– *Ага, отличный был ход, но что это? Смотрите, она уходит!*

– *Она капитулирует.*

– *Она...*

– О, да заткнитесь вы уже, – пробормотала она.

2

Два стука в стену ее спальни. Это Джесс из соседней квартиры. *Кофе?* Три удара в ответ. *Уже иду.*

Ее отец ушел на работу, так что в кухне ее встретил лишь суровый взгляд матери.

– Пока, ма, – сказала она, поднимая со скамьи упакованный ланч.

– Хватит тратить свое время впустую с Джессикой, – ответила ей на вьетнамском мама.

Дома они всегда говорили на вьетнамском. Мама едва могла говорить по-английски, на самом базовом уровне, которого было достаточно, чтобы выживать. Удивительно было, что она вообще могла на нем говорить, учитывая, что двадцать недель занятий были больше двадцати лет назад. Ван Ёок то и дело предлагала маме научить ее еще чему-нибудь, но она лишь отмахивалась. *Слишком поздно, слишком поздно.* И, наверное, была права. По работе она сталкивалась лишь с вьетнамками, общалась с ними же, ходила за покупками во вьетнамские магазины на Альберт-стрит... не так уж и нужен был ей английский. Особенно, когда у нее растет дочь, которую всегда можно попросить перевести.

– Мы только быстро выпьем кофе, мама. Иначе я приду слишком рано. А нам нельзя приходить слишком рано.

Ее мать понятия не имела, что школа одобряет, а что нет. Тот мир казался для нее таким же далеким и загадочным, как луна. У нее был страх перед школой: ее дочь учится там по стипендии; они могут отнять эту стипендию. Козырная карта была у Ван Ёок – все коммуникации со школой велись через нее. Иногда казалось подлым и слишком простым разыгрывать эту карту, но все-таки было здорово быть единственным членом семьи, говорящим на английском, хотела она того или нет.

Ван Ёок взяла банан из миски с фруктами и поцеловала маму на прощание.

Женщина кивнула в ответ и снисходительно махнула ей на дверь.

– Веди себя хорошо. Учись прилежно.

Как же сильно она ненавидела, когда мама произносила эту фразу – «Учись прилежно»! Сколько раз ей приходилось ее слышать? (Три тысячи шестьсот раз, она считала. Плюс-минус.)

Ван Ёок пошла к Джесс, двенадцать больших шагов по бетонному полу коридора, а когда они были маленькие, шагов было шестнадцать. Металлическая дверь-ширма открыта, кофе готов. Родители Джесс, служащие уборщиками в местной государственной больнице, работали в утренние смены и уже давно ушли.

– Твоя мама прибила бы тебя, – сказала Ван Ёок, кивнув на открытую дверь.

Джесс лишь пожала плечами.

– Ее день будет прожит зря, если я не дам ей повод прибить меня. – Она протянула Ван Ёок кофе в высоком стакане. – Как прошел первый день бакалавриата?

Ван Ёок сделала глоток. Растворимый кофе, разведенный кипяченой водой и щедро приправленный стухшим молоком. Вьетнамская фишка. Перед школой – то, что надо. Летишь туда на маленьком облачке из сахара и кофеина. В школе Кроуторн она узнала множество вещей вне учебной программы, и одной из них было то, что растворимый кофе сродни преступлению, страшному греху. Если ты не отдал четыре бакса за то, чтобы тебе его приготовил бариста, то это уже не кофе. Но они не знали, что теряли.

– Да все как обычно. Но работы уйма – я на это не подписывалась, – ответила Ван Ёок, про себя подумав, что бакалавриат начался странно. После школы *со мной заговорил* Билли Гардинер. Но она не собиралась ничего говорить Джесс до тех пор, пока не выяснит, что за этим стояло.

– Как в одиннадцатом классе?

– То же самое. Если в общем, то они объявили нам, что работы куда больше, чем мы представляли, и нам следует с самого первого дня учиться как следует, если мы хотим составить конкуренцию остальным, и бла-бла-бла...

В школе Джесс – прежней школе Ван Ёок – была стандартная школьная программа штата Виктория для одиннадцатых и двенадцатых классов. В школе Кроуторн помимо стандартной предлагали альтернативную программу для одаренных школьников – Международный бакалавриат. То, что именно Ван Ёок, а не Джесс досталась стипендия в школе Кроуторн, было каким-то безумием. С самого первого класса их оценки были почти одинаковыми. Они поочередно занимали первое и второе места по большинству предметов. Ирония была в том, что Ван Ёок – она поняла это уже позже – выиграла грант, не веря в то, что ей это удастся. Убедив себя в этом, на собеседовании она открыто говорила о своих взглядах на политику и общество, о своем намерении рано или поздно начать изучать искусство и о том, каким она видит свое портфолио через несколько лет.

Джесс давала стандартные ответы, выдрессированные на инструктаже перед собеседованием, и ничего. Стипендию она не получила. Но она не врала, когда говорила, что счастлива остаться в своей родной школе – Средней школе для девочек Коллингвуд. И какой-то части Ван Ёок тоже хотелось там остаться. Но вот горькая правда – ее родители гордились ею, а Джесс разочаровала своих родителей, которые, ко всему прочему, еще и потеряли деньги, выплаченные за инструктаж. В старой шутке говорится, что для азиатов А с минусом равно незачету, но на самом деле для азиатов незачет – это когда ты не получил стипендию. Ван Ёок получила еще и бонус – «преимущество гобоя», как называли это девчонки, – играя в оркестре на одном из самых малозаметных музыкальных инструментов. Но его выбрали лишь потому, что ее отец нашел этот инструмент, дремлющий в футляре с красной обивкой, в одном из ломбардов на Бридж-роуд всего за двадцать долларов. Джесс была просто еще одной скрипачкой.

* * *

На Альберт-стрит открывались магазины, тротуары мыли от ночных рвотных масс и утренних собачьих лужиц. Был четверг, так что все рестораны, туалеты которых находились на задворках, закрылись. В день выплаты государственных пособий все ищут местечко, где можно покутить.

– Ван Ёок, Джессикааа!

Девочки остановились у двери. Это Льен Луу из их квартала. У нее своя пекарня наподобие тех, где всегда полным-полно всяческих пряных сладостей, и – сегодня счастливый день – она угостила их неполучившимися фруктовыми булочками. И еще Льен Луу была тетушкой классного Генри Ха Мина из знаменитого кафе «Роллы Генри Ха Мина».

Девчонки, болтая и жуя булочки, проходили мимо двуязычных вывесок, защищенных решетками и исписанных граффити, ателье, химчисток, магазинчиков, где все продавалось по два доллара, хотя кое-что стоило все пять, рыбных лавок, магазинов, торговавших кухонной утварью, огромных бакалейных и магазинов электротоваров и множества ресторанчиков, где готовили «настоящий» суп фо, обожаемый мельбурнским средним классом.

Сейчас, конечно, у детей вьетнамцев-иммигрантов во втором поколении были собственные роскошные, стильные версии таких ресторанчиков, где еда стоила в три раза дороже, и находились они вдали от мини-Сайгонов Ричмонда, Футскрея и Бокс-Хилла². Генри был одним из них. «Роллы Генри Ха Мина» располагались на Чапел-стрит, и снаружи всегда собиралась

² Районы Мельбурна, где большая часть населения – выходцы из азиатских стран, и доля вьетнамцев составляет самый высокий процент.

очередь. Ван Блок и Джессика работали там по средам, делали роллы из рисовой бумаги или, если смена начиналась раньше, лепили заготовки для роллов.

На Пант-роуд девчонки попрощались, как обычно, стукнувшись два раза костяшками пальцев, и разошлись в разные стороны.

3

После утренних занятий по физике, когда Ван Ыок выходила на улицу, чтобы съесть ланч, ее остановила Лу. Ван Ыок надеялась столкнуться с Лу или Майклом, которые, хоть и не были ее друзьями, относились к ней дружелюбно. И они никогда не игнорировали ее присутствие, когда в перерыве на ланч она садились рядом с ними.

– Ты идешь на эту фигню? – И Лу зачитала с листовки: – Ознакомительное собрание на тему «Как я могу помочь обществу?».

– Я забыла про него.

Отлично. Еще больше работы. Это было частью курса «ТДО» – «Творчество, Деятельность, Общество», обязательной составляющей бакалавриата, нацеленной на то, чтобы все ученики были всесторонне развитыми личностями. Разработчики учебной программы МБ, наверное, думают, что у школьников полно свободного времени? Они издеваются, не иначе, если считают, что человек может с этим справиться, что это гуманно, – нам едва хватает времени, чтобы быть работоспособными ботами-зубрилами.

* * *

Лу пришла в школу Кроуторн только в четвертой четверти прошлого года, новенькая девчонка в «Маунт Фэрвезер», учебном лагере вдаль от города, на природе, где предстояло проучиться целый семестр. И за этот семестр Лу, особо не стараясь, показала всем, что она крутая. У нее был собственный круг общения. Она вступалась за слабых. У нее были моральные принципы. И еще она обладала суперкрутым талантом – умела петь. К тому же у нее были матери-лесбиянки, что, кажется, тоже считалось крутым и добавляло ей значимости в глазах остальных.

Когда Ван Ыок рассказала о Лу Джесс, та, услышав о матерях-лесбиянках, с радостными криками выбросила руку вверх, совсем нетипичное для нее проявление восторга. Джесс была лесбиянкой – или, как она сама себя описывала, «лесбиянкой в ожидании».

Она с самого начала знала, что не гетеросексуальна, но твердо верила, что ни за что не сможет признаться в этом родителям до тех пор, пока не окончит школу и не начнет сама зарабатывать на жизнь, потому что они скорее поменяют замки на дверях, чем смирятся с ее сексуальными предпочтениями. Джесс относилась к этому с философской точки зрения, но, не отказываясь от собственных убеждений, она понимала, что, пока учится в школе, родители будут против любых романтических увлечений.

По мнению Джесс, родители могли бы изменить свое мнение о том, что значит иметь дочь-лесбиянку, если Пенни Вонг³ (кумир обеих девчонок) когда-нибудь станет премьер-министром Австралии. Премьер-министр, лесбиянка и азиатка в одном лице – это могло бы склонить чашу весов в пользу Джесс. Но опять же...

* * *

– Нам разрешили взять обед с собой, – сказала Лу. – Хотят, чтобы мы начали привыкать все следующие два года делать несколько дел одновременно. Ура, ребята.

³ Австралийский политик, лидер оппозиции Сената (первая женщина, достигшая таких высот в Австралии), сенатор с 2002 г., член Лейбористской партии.

В главном актовом зале, громко переговариваясь и шумя, сидела почти половина одиннадцатого класса. В этом огромном помещении с высокими потолками, длинными окнами, отличной акустикой и профессионально оборудованной сценой был такой гладкий и блестящий паркетный пол, что Ван Бюк пообещала себе до окончания школы обязательно покататься по нему в носках.

Она села с Лу и Майклом. По другую сторону от нее расположилась Энни, которая, казалось, все время была в движении, и сидеть рядом с ней можно было, лишь сжавшись на своем месте, потому что Энни всегда выходила за границы своего личного пространства и постоянно задевала рядом сидящих локтями, ногами или случайно попадала в них ручкой.

Пока мисс Кинг, которая была координатором курса «ТДО» и вообще координатором всего одиннадцатого класса, начала, усадив всех по местам, объяснять составляющую «служения» – и вызвала недовольные стоны, когда сообщила, что расписание волонтерской работы все должны были составить еще *вчера*, – Ван Бюк старалась избежать последствий необычайной активности соседки. Когда она повернулась к Энни, чтобы попросить больше не толкать ее, то уставилась прямо на Билли Гардинера – похоже, они с Энни поменялись местами. Он одарил Ван Бюк довольной улыбкой и наклонился, чтобы рассмотреть, что у нее на ланч.

– Ням-ням, – произнес Билли, угостившись фаршированным омлетом, приготовленным мамой Ван Бюк в качестве угощения в первую неделю возвращения в школу.

– Объедение! – воскликнул он с полным ртом. – Ты сама это приготовила?

Билли смотрел на рассыпавшийся кориандр, курицу и ростки фасоли так, словно омлет был предметом серьезной экспертизы.

– Что там?

Ван Бюк почувствовала, как от смущения зарделись щеки. Ей совсем не хотелось стать объектом грубых шуточек Билли Гардинера. А вдруг он сейчас выплюнет еду и притворится, что его вот-вот стошнит? Ее саму затошнило при мысли о том, что может произойти в следующий миг, и она закрыла от него свой ланч.

Лу, видя, что происходит, наклонилась вперед и заговорила вместо Ван Бюк:

– Хватит воровать еду!

– Это не воровство, а обмен, – ответил Билли и открыл большой бумажный пакет. – Что будешь?

Он положил пакет на колени Ван Бюк и, порывшись, извлек оттуда контейнер с клубникой, которым помахал перед ее носом. Она покачала головой, глядя прямо перед собой и со страхом ожидая неизбежного – когда станет мишенью его насмешек или получит какое-нибудь гадкое прозвище. Что она сделала, чтобы заслужить это внимание? Вот он толкает ее локтем.

– А как насчет... домашнего батончика из мюсли?

Ван Бюк снова покачала головой, намеренно не глядя на него. Опять шорох бумаги.

– Апельсиновый торт?

Ван Бюк придвинулась ближе к Лу и убрала пакет Билли со своих колен.

– Ладно, так и быть. Фокачча с куриным шницелем и капустным салатом... напололам? – Билли вытащил огромных размеров сэндвич и предложил его Ван Бюк. Она отвернулась. – Слушай, здесь точно должно быть то, что ты любишь. Может, яблоко? Какая еда тебе *нравится*?

– Оставь ее в покое, Гардинер, – сказал ему Майкл, сидящий через два места от него.

– Я лишь пытаюсь поделиться, – ответил Билли.

– Одиннадцатый класс, прошу внимания, – в тот же момент проговорила мисс Кинг.

Билли наклонился так, что почти касался лица Ван Бюк. Она приготовилась к худшему. Ну вот, сейчас начнется.

– А ты знаешь, что ее зовут Джо? – кивнул Билли в сторону сцены. Его голубые глаза сияли от глупости сказанного – и на удивление, слова не имели никакого отношения к Ван Ъок. – Джоанна. Джо Кинг. Реально.

Ван Ъок рискнула взглянуть на него. Только широкая озорная улыбка, адресованная ей, никакого злорадства. Бред какой-то. Билли Гардинер никогда бы не стал заводить разговор и шутить с любой Ван Ъок Фан в мире.

– Кстати, а твое имя, что оно значит? Как переводится?

– Облако желаний.

– Облако желаний? *Облако желаний*. Круто! И необычно. Слушай, а это ваше семейное имя или как?

Билли ждал ответа. И точно решил поиздеваться над ней. Разве он не в курсе, что большинство имен что-то да означают? Например, его имя, Уильям, означает «шлем». Зачем-то она выяснила это. Мысленно отругав себя за это, Ван Ъок оглянулась по сторонам – не смеется ли кто из его дружков. Его взяли на слабо, он заключил пари и выиграл. Притворился, что дружит с этой убогой азиаткой.

Не ответив Билли, она повернулась к мисс Кинг.

– А теперь для тех, кто еще не подыскал себе работу. Давайте подумаем все вместе. Итак, пожалуйста, поднимайте руки, делитесь идеями.

Пара человек без особой охоты подняли руки.

– Навестить пожилых.

– Или детскую больницу.

Энни вскинула руку.

– Эмигрантов! – с облегчением, что смогла хоть что-то придумать, сказала она, а потом с ужасом наклонилась через Билли к Ван Ъок. – О БОЖЕ, прости, я не имела в виду *тебя*.

– Ван Ъок не эмигрантка, тупица! Она австралийка, – огрызнулся Билли.

– Давай ты *не* будешь так разговаривать с людьми, – огрызнулась Лу.

– Я же сказала, что не *имела в виду* ее, – огрызнулась Энни.

– Нет ничего *плохого* в том, чтобы быть эмигрантом, – заявила Ван Ъок.

Они все умолкли в замешательстве. Роли поменялись. Какого черта, она, Ван Ъок, начала говорить таким тоном? Она предпочитает молчать, а тут у нее был такой властный голос. И с какого перепугу Билли Гардинер ринулся защищать ее?

– Билли, Ван Ъок, Лу, Энни, – когда мы закончим, вы можете остаться и сложить стулья, – сказала мисс Кинг.

* * *

– Замечательно. Вот и вся благодарность за то, что я подумала об эмигрантах, – со стуком поставив один стул на другой, пожаловалась Энни и посмотрела на Ван Ъок. – *Прости*. Еще раз. Просто я бы не отказалась от десяти минут положенного мне перерыва на ланч. Ребята, а вы уже определились со своей волонтерской работой?

– Есть парочка возможных вариантов, но ничего интересного, – ответила Лу.

Билли поднимал стулья, как перышки.

– Я тоже еще нет. Пока единственное предложение – обрабатывать данные в исследовательском проекте отца. Но я скорее отстрелю себе яйца, чем буду заниматься этой ерундой.

Отец Билли был известным доктором, который занимался разработкой новых методов лечения меланом.

– Знаете, что я ненавижу больше всего? Что почти все припишут себе лишние часы, а такие придурки, как я, станут вкалывать по-настоящему, – поделилась Энни.

– А ты уже знаешь, чем будешь заниматься? – спросила Лу.

– Я пытаюсь попасть в программу по восстановлению растительного покрова побережья, – ответила Энни. – Кто знал, что придется чуть ли не на коленях умолять, чтобы тебе позволили помогать? – Она с грохотом поставила очередной стул. – Мое участие в бакалавриате и так висит на волоске, так что я проклята с самого первого дня.

Энни только недавно начала учиться в бакалавриате, но ее родители обещали школе, что их дочь улучшит оценки, если ее допустят к этой программе.

– А ты, Ван Ёок? – спросила Лу.

– Я работаю в обучающей программе для детишек, у чьих родителей английский – второй язык.

– О, я тоже с радостью занялась бы этим – там требуются наставники?

Ван Ёок замялась. Было бы здорово, если в подготовительном клубе работал бы кто-то типа Лу, но если она предложит ей прийти, то нарушит одно из своих «золотых» правил: отделять школьную жизнь от личной жизни.

– Там довольно скверно. Очень шумно. В основном мы работаем с детьми, проживающими в квартирах государственного жилищного фонда Восточного Мельбурна.

– А вообще-то детям она нравилась. И именно благодаря ее еженедельным занятиям с Деби, одной из наставниц, Ван Ёок умела так же хорошо говорить и читать по-английски, как и ее одноклассники.

– А когда проходят занятия? – спросил Билли.

– По пятницам, в пять часов вечера.

– И как это все работает?

Как описать настоящий хаос, который каждую неделю упорядочивался?

– Около двухсот детей и двухсот наставников встречаются в зале церкви Сент-Джоуи, рассаживаются за столы и примерно час школьники помогают детям с домашней работой. Или вообще с учебой. Или с жизнью в целом. Иногда приходят их мамы и тоже помогают. Все дети получают что-нибудь перекусить и коробку сока. Тех, кто живет далеко, потом развозят по домам на автобусе.

– Супер! – сказал Билли. – И это единственный день, когда у меня нет тренировок после обеда. Так что я тоже мог бы этим заняться.

– Да, но только тебя еще никто не приглашал, – ответила Лу и, глядя на Ван Ёок, закатила глаза. – Хотя ты и считаешь себя белым, которому все должны, тебе все равно нужно получить приглашение.

– Но я ведь могу прийти, правда? – умоляюще глядя на Ван Ёок, спросил Билли. – Ну, пожалуйста.

Ван Ёок, Лу и Энни дружно на него уставились – что это такое сейчас было?

– Я спрошу, – неохотно ответила Ван Ёок. – Но вы не можете просто так взять и прийти. Вам нужно разрешение на работу с детьми.

– Ладно, в любом случае дай мне знать, – сказала Лу. – Я бы с радостью помогла, если им нужны еще люди. Я могу быть репетитором по любому предмету, для любой возрастной группы.

– Я тоже, – поддакнул Билли.

Ван Ёок так привыкла, что Билли Гардинер все время дразнился, шутил, да и вообще делал все, чтобы вызвать смех остальных, что сейчас ей было трудно поверить в то, что он настроен серьезно.

4

Ван Ыок пошла домой вниз по Пант-роуд, вдоль реки к Черч-стрит, потом через мост, но остановилась на полпути, чтобы посмотреть на мутные воды реки Ярра и полюбоваться открывающимся с моста видом на город. Вместо того чтобы слушать на айпode диалоги по французскому, она все это время пыталась разгадать загадку Билли Гардинера.

Ее первое предположение было вызвано исключительно логикой – у него на уме заранее спланированная пытка. Сегодня не конец, нет, он специально тянул время. От этой мысли по коже поползли зловещие мурашки. Ван Ыок остановилась, поправила рюкзак, чтобы было не так тяжело, и убрала челку с глаз. Наверное, это был какой-то тщательно разработанный план, спор с высокими ставками: попытаться убедить ее, что она ему нравится, а потом унижить у всех на глазах. Типа той сцены из фильма «Нецелованная»⁴, где главная героиня вспоминала, как парень мечты должен был отвезти ее на выпускной бал, а вместо этого обкидал яйцами и умчался с другой. По мнению Ван Ыок, это было очень обидно. Так что для нее лучше всего будет избегать Билли. Что-что, а оставаться в тени она умела.

Но потом ей вспомнился случай, доказывающий, что у Билли Гардинера было (хотя он тщательно это скрывал) сердце. В прошлом семестре, когда они оказались в лагере «Маунт Фэрвезер», она случайно подслушала его телефонный разговор с сестрой. Ван Ыок точно знала, что это была его сестра, потому что тем же днем, когда Бен Капальди спросил его, кто звонил, он ответил: «Сестра». В «Маунт Фэрвезер» каждый телефонный звонок был важным событием, потому что их количество строго ограничивалось.

Ван Ыок очищала и убирала в футляр гобой, а Билли, должно быть, прислонился к другой стороне стены репетиционной комнаты, когда говорил по телефону, который вообще-то нельзя было выносить из канцелярии. Но Билли и правила? Ван Ыок постеснялась открыть дверь и пройти мимо него и осталась в комнате. Судя по всему, его сестру бросил парень. И Билли вел себя... идеально. Он был участливым и любящим. Он слушал. Он признал ее чувства, но был уверен, что скоро ей станет лучше. Он напомнил ей о том, как важно съесть шоколад и посмотреть «Девочек Гилмор» и «Веронику Марс»⁵. И завершил звонок словами: «Я всегда знал, что этот парень придурок», что, видимо, заставило его сестру рассмеяться, потому что он тоже начал смеяться, а потом добавил: «Вот это другое дело». И еще он сказал: «Звони мне в любое время». А затем: «Я люблю тебя, помнишь?»

Ван Ыок плелась по Альберт-стрит. Вообще-то Билли Гардинер был еще и умным. Настолько умным, что учителей это доканывало. Казалось, он не обращал никакого внимания на других, а потом вдруг правильно отвечал на вопросы, заданные специально, чтобы загнать его в тупик. Кажется, он умел без всяких на то усилий концентрироваться сразу на нескольких вещах одновременно.

Жар от асфальта обжигал ноги сквозь дырочки в туфлях. Из дверей ресторанов время от времени доносились ароматы кориандра, чеснока и лемонграсса. Ван Ыок шла домой давно привычным маршрутом, старалась избегать наркоманов, потому что ее форма ученицы частной школы так и манила к себе всяких нелюдимых субъектов, и через каждые три метра натыкалась на знакомых.

Подойдя к высотному зданию, где располагалась ее квартира, Ван Ыок с наслаждением остановилась в знакомой длинной тени, которую оно отбрасывало ближе к знойному вечеру.

⁴ Американский фильм 1991 года с Дрю Бэрримор в главной роли.

⁵ Американские телесериалы.

Отлично. На площадке тусовались Ник Спэрроу и его дружки. Почти всех маленьких детей позвали на обед домой. На улице остались только большие мальчишки, которые тут же заняли место малышей.

– Телка, телка, телочка! Эй, телочка! Леди хочет пошалить. – Ник схватил себя за промежность и поворачивал бедрами.

Серьезно? С чего она должна выслушивать второсортные пошлости Ника Спэрроу, которые он позаимствовал из американского сериала? Среди бела дня, да еще и на собственной территории? Она посмотрела, кто именно был с ним. Мэтью Тран и еще три парня, которых она знала по начальной школе Уэст-Абботсфорд. В любой другой день она притворилась бы, что их здесь нет, и прошла мимо. Может, дело в том, что Ван Блок уже перешла в одиннадцатый класс и на горизонте уже маячили окончание школы и начало взрослой жизни? А может, дело было в странном поведении Билли Гардинера, совершенно сбившем ее с толку? Она не стала опускать глаза и проходить мимо. Она не позволит им испортить свое настроение. Она заставит себя заговорить. Сказать хоть что-нибудь, сейчас. Прямо сейчас, чтобы не упустить момент. Чтобы поставить этих придурков на место.

Но ничего не вышло.

Ван Блок, как могла дерзко, развернулась на пробковом покрытии площадки и ушла, надеясь, что вся злость, какую она чувствовала, отразилась на ее лице. Несмотря на то, что она не смогла и звука вымолвить. Что остановило ее? Входя в вестибюль здания, она чувствовала, что предала всех: себя, Джейн Эйр и Деби.

* * *

Из спальни родителей доносился стук оверлока. Три или четыре дня в неделю мама занималась шитьем, что по сравнению с теми временами, когда Ван Блок была маленькой, напоминало почти что выход на пенсию. Это снова были детские ползунки, судя по бледно-голубой ткани на скамье в кухне, на которой мама делала предварительный раскрой. Ван Блок взяла яблоко и отправилась в свою комнату, чтобы в оставшиеся пару часов до ужина поделаться домашнюю работу.

В начале восьмого класса Ван Блок вместе с Деби, своей наставницей из подготовительного клуба, начали читать «Джейн Эйр». Сначала книга казалась ей очень тяжелой. А слова! У нее до сих пор был этот список. *Cavillers, moreen, lamentable, letter-press, promontories, accumulation, realms, vignettes, eventide, torpid, hearth, crimped, stout, dingy, lineaments, visage, gorged, bilious, bleared, sweetmeats, morsel, menaces, inflictions, mused, tottered, equilibrium, rummage, tyrant, pungent, predominated, subjoined*⁶... И это только в первой главе. Эта груда непонятных слов рождала панику, сомнение в собственной грамотности, отчаяние! Ван Блок никогда не слышала таких слов дома. Если уж на то пошло, она вообще была единственной в семье, кто когда-нибудь будет читать книги типа «Джейн Эйр».

Ван Блок до сих пор помнила, как осветилось лицо Деби, когда она прочитала первую строчку: «*There was no possibility of taking a walk that day*»⁷. Энтузиазм Деби был невероятно заразительным.

– Я настоящая фанатка этой книги, – говорила Деби. – Мой учитель в восьмом классе заставил написать пересказ каждой главы, и это было очень здорово. У меня появилось такое ощущение, как будто мы сроднились с книгой. Я знала ее наизусть.

⁶ Придирки, штофный, жалобно, текст, утесы, нагромождение, миры, виньетки, вечер, неподвижный, камин, плоить щипцами, увалень, прыщеватая, черты, лицо, объедаться, раздраженный, мутный, пряники, жилка, угрозы, побои, размышляла, покачнулась, равновесие, рыться, тиран, резкий, заглушили, приговор (англ.).

⁷ В этот день нечего было и думать о прогулке (перевод О. В. Станевич).

Ван Бюк тогда решила, что тоже хочет знать эту книгу наизусть. И когда они прочитали четвертую часть романа, случилось кое-что поистине волшебное. Спустя недели тяжелой и кропотливой работы что-то щелкнуло; Ван Бюк перестала запинаться на незнакомых словах и длинных предложениях. Слова магическим образом стали открывать ей свое значение, по крайней мере, большинство из них, через контекст. А предложения перестали быть препятствиями и начали рассказывать историю. Ее глаза бежали вперед; она понимала форму и ритм языка. Она переживала за Джейн и умирала, как хотела знать, что же случится дальше. Она словно сама испытала все горести и унижения Джейн и в конце книги торжествовала вместе с ней.

После того как Ван Бюк читала вслух абзац, они с Деби обсуждали его, говорили о тех временах, когда был написан роман, об ограничениях и ожиданиях, возложенных на героинь типа Джейн, да и на всех женщин в зависимости от их социального статуса. Они беседовали о религии в ту эпоху, о том, как обращались с людьми, у которых были психические заболевания, и, когда они почти закончили читать книгу, Деби сказала: «Никогда не слушай тех дураков, которые утверждают, что «Джейн Эйр» – это роман о девушке, которая заполучила мужчину, пусть и грубияна. Нет, эта героиня добилась всего, чего хотела, и жила по собственным принципам, потому как обладала моральной силой, интеллектом, мужеством, воображением и железной волей. И это чертовски крутой список! Только представь себе: Шарлотта Бронте написала эту книгу в тысяча восемьсот сорок седьмом году! Впечатляюще для женщины, жившей в ту эпоху!»

Ван Бюк была согласна. Бедной Шарлотте Бронте сначала даже пришлось использовать мужской псевдоним – Каррер Белл, чтобы книгу напечатали. Настолько бесправными были тогда женщины.

У Ван Бюк вошло в привычку мысленно обращаться к Джейн, когда ей хотелось набраться мужества или происходила какая-то несправедливость. Она задавала себе вопрос: «А как бы поступила Джейн?» Как будто Джейн жила в доме по соседству. Или скромно пыталась влиться в компанию одноклассников – бедная девочка в школе для богатеев. Она часто задумывалась о том, что бы сделала или сказала Джейн и что ей самой стоит сделать или сказать в той или иной ситуации. Ван Бюк вспомнила Ника Спэрроу, и ее опять охватило раздражение. Однажды ей хватит смелости сказать то, что сказала бы в подобном случае Джейн.

Вслух.

Она взяла это себе на заметку.

Пообещала, что так и будет.

5

Ее *ba*, отец, как раз заканчивал готовить ужин, когда Ван Ыок вышла из-под гипноза неевклидовой геометрии. Это было одно из его особенных блюд – рыба с розовым перцем, имбирем и кориандром. Когда он готовил его, то всегда говорил одно и то же: «Кто-то покупает этот перец в дорогих магазинах. Но не мы».

– Не мы, – повторяла Ван Ыок.

– Нет, мы идем на берег реки, – говорил он. – Потому что *мы* знаем...

– Мы знаем, где растет перец.

И она улыбалась, спрашивая себя, как много раз уже повторялся этот диалог.

Родители отца выращивали овощи и фрукты на продажу, и папа готовил лучше мамы. Если они выходили на прогулку, то он всегда подмечал еду, которую можно было собрать: дикий лук, расторопшу, амарант и рукколу вдоль трамвайных путей; лимоны и сливы, свисающие через заборы на узких улочках; шинус у извилины реки в пяти минутах ходьбы от их дома. Рядом с шинусом он посадил *rau răm*, вьетнамский кориандр, и тот рос в изобилии. Более капризный вид кориандра они посадили дома в горшки, которые поставили на кухонный подоконник.

В половине двенадцатого, когда родители спали уже часа два как, Ван Ыок тихонько проскользнула на кухню, чтобы сделать себе поздний холодный «Майло»⁸ (к которому приистрастилась во время учебы в «Маунт Фэрвезер»). Вся домашняя работа была сделана, осталось лишь подшлифовать задание по литературному мастерству.

Она размешивала напиток, вдыхая солодовый аромат и слушая, как звякают кубики льда о стенки стакана, и тарасилась на изломанное отражение в окне над столом.

Весь ее здравый смысл подсказывал ей, что Билли Гардинер скорее всего – а еще лучше, точно – поведет себя так, как вел со всеми остальными на протяжении тех двух лет, что она наблюдала за ним, и скорее всего, а еще лучше, точно, он задумал для нее какую-то грубую шутку... и тут ее словно громом поразило – Ван Ыок вспомнила про желание. То глупое, легкомысленное, загаданное совершенно случайно желание...

Потому что... потому что его странное поведение, которое началось как раз со вчерашнего занятия – которое она приняла – *принимала* – за подготовку злой шутки, – могло быть вызвано (ой!) желанием, в котором она загадала понравиться Билли. Ван Ыок вдохнула напиток, вместо того чтобы выпить, и поперхнулась. Какие слова она использовала, когда загадывала желание? Чтобы он *предпочел ее всем девочкам в мире*, чтобы считал *потрясающей*? Нет. Нет-нет-нет. Ей было стыдно даже допустить эту мысль. Но все же как еще объяснить, что он с такой горячностью принялся защищать ее, сказав, что *она австралийка*? Конечно, это немного раздражало Ван Ыок, потому что это такое автоматическое право – быть австралийцем, и пусть у Билли были самые доблестные намерения отвести от нее противное «эмигрант», не менее раздражительное, потому что оно автоматически вызывало предположения о низком социальном статусе, но с другой стороны...

Она не верила ни в фей, ни в зомби, ни в вампиров, ни в Санта-Клауса – как и в волшебные желания. Вся эта ерунда годилась для детей. Ван Ыок выпила еще немного «Майло», собрав ложкой холодные хрустящие кусочки льда с поверхности. А потом уже в сотый раз заглянула в свой пенал. Маленькая стеклянная колбочка ну точно не могла вот так взять и исчезнуть. Она провела пальцем по внутреннему шву, под молнией, а затем высыпала все содержимое на стол. Нет, ее по-прежнему нигде не было.

Желания – они ненастоящие.

⁸ Растворимый шоколадно-солодовый напиток, производимый компанией Nestle.

Ненастоящие и все.

Поправка.

Желания *были настоящими*.

И иногда желания исполнялись.

Желания исполнялись, *потому что волшебство существует*.

* * *

Чтобы вернуть себе связность рассуждений, Ван Ыок решила попробовать что-нибудь написать; особенно после сегодняшнего разговора про эмигрантов и маленького разочарования, когда она так и не смогла ничего сказать тем азиатским подросткам... ей так хотелось при случае находить остроумные ответы и произносить их вслух, а не просто подумать про себя.

Откуда ты?

Из Австралии, как и ты, тупица.

Нет, откуда ты на самом деле?

Ты вообще слушаешь? Мои родители родились во Вьетнаме, но они тоже граждане Австралии.

Вау, эта еда выглядит так интересно и необычно, тебе повезло!

Так мы едим дома. Попробуй отступить от этого повсеместного западного взгляда на жизнь. Не во всем мире стандартным ланчем будет сэндвич.

Ты горячая азиаточка. Ты такая умная, как все азиаты.

А ты знаешь, что это унижающие человеческое достоинство расистские стереотипы, а не комплименты? Нет? Что ж, теперь знаешь.

У тебя строгая мать?

Иногда мама строгая, а иногда она хрупкая и ранимая, как мотылек.

А у тебя появятся проблемы, если ты не будешь учиться на одни «пятерки»?

Такого никогда не случалось, но если я буду получать плохие оценки, то могу попрощаться со своей стипендией. У меня в отличие от тебя нет подстраховки.

А ты обгораешь на солнце?

Да, и внутри меня течет кровь. И я даже хожу в туалет. Как любой нормальный человек. Кто бы мог подумать?

Сколько стоит шоу двух азиаток-школьниц?

Вообще-то мы настоящие школьницы, эй вы, старые лузеры, которые кричат из машин! И наверное, даже одного возраста с вашими собственными дочерьми. Мы не на экскурсии из борделя.

Чем ты собираешься заниматься – юриспруденцией или медициной?

Ни тем ни другим. (Но не говорите моим родителям.)

У твоих родителей ресторан?

Моя мама шьет одежду дома, а папа работает на пищевой фабрике, где нарезает курицу на порционные куски.

Ты похожа на Люси Лью.

Актрису, которая годится мне в матери? Потому что у нас обеих длинные черные волосы? Или потому что все азиаты на одно лицо? (У меня не длинные волосы. И мы не похожи.)

Выбрать все. Удалить.

Давясь от смеха, Ван Ыок представила, как распечатывает этот текст и раздает каждому встречному.

Было гениальным вот так разделить все на черное и белое.

Спасибо вам, мисс Бартлок.

6

Шагая в школу ранним пятничным утром, Ван Ыок решила, что она, как и Джесс, была в ожидании. Ее никогда не интересовали мальчишки, которых она знала с начальной школы. А Билли Гардинера никогда не заинтересует она, несмотря на его недавнее anomальное поведение.

Если уж ей и суждено полюбить безответно, каким бы досадным не было это чувство, то одна логика должна была подтолкнуть ее к Майклу. Доброму, умному, красивому и очень странному, что делало его еще более очаровательным. Потому как он сам был безответно влюблен в Сибиллу Куинн, Майкл становился идеальным недоступным героем.

То, что ее влекло к Билли, ставило Ван Ыок в тупик и раздражало.

Вот только вчера он окрестил их совершенно чудесного учителя по физике, мистера Ходжа, «хрюшкой». Хрюшкой-чушкой. Если честно, его нос и правда напоминал свиной пяточок, а на жилете остались пятна от еды, но право...

А однажды Билли сказал невероятное – что воздушная и грациозная Сибилла Куинн танцует, как «больной параличом тарантул». Не было никаких сомнений в том, что ему нравилось говорить про всех гадости. Но многое сходило ему с рук, потому что он заставлял людей смеяться. Но у него были свои враги. И он мог быть настоящим тираном. Казалось, он презирал слабых. А это означало, что Билли попросту боялся собственных хорошо скрываемых слабостей. Лучшим другом Билли был Бен Капальди, у которого имелась собственная стратегия – оставаться в хороших отношениях со всеми, – но он скрывал ее так хорошо, что никто этого и не замечал.

Но природа явно была не в ладах с логикой. Когда Ван Ыок думала о Билли, то была избирательной. Она отбрасывала воспоминания о его грубости и вспоминала только хорошее. Думала о балансе, симметрии и физической легкости, которые он воплощал, о мощной волне желания, накрывавшей ее всякий раз, когда они вдруг оказывались рядом, о жесткой красоте его лица, при виде которого ей на ум приходили слова «падший ангел».

И каким бы непреодолимым ни было влечение к нему, ничто в нем не интриговало так, как то, что он скрывал. Наверное, Ван Ыок была единственной, кто это замечал. Вокруг него едва заметно мерцали беспокойство и неудовлетворение. Лично ей это напоминало тот момент, когда Невероятный Халк начинал свое превращение.

* * *

Ван Ыок вошла на территорию школы через боковые ворота и, проходя мимо здания спортзала, шарахнулась в сторону, когда огромный, покрытый потом парень выбежал из дверей, наклонился, и его стошнило. Это был Билли Гардинер, одетый лишь в велосипедные шорты. Он выпрямился, тяжело дыша, сплюнул и застонал.

Она отвела глаза и, не вынимая из ушей наушника, пошла дальше.

Билли окликнул ее по имени; она притворилась, что не слышит.

Наверное, он выполнял упражнения на тренажере. Те, кто входил в первую восьмерку спортсменов, постоянно оценивались. Гребцы должны были регулярно и до полного изнеможения заниматься на эргометрах – стационарных гребных тренажерах. Только самые достойные, с определенным телосложением – высокие, сильные, сухопарые – могли мечтать подписаться под всеми этими «привилегиями» – постоянным дискомфортом и болью. А потом им приходилось снова и снова доказывать свою приверженность этому виду спорта и физическую готовность. Почти весь год подряд, на реке, в несусветную рань. Постоянные соревнования с

другими частными школами вдруг стали дико ожесточенными, тренировочный сезон увеличился, и все гребцы рисковали своим здоровьем, безжалостно повторяя упражнения, как сейчас стало необходимо в спорте.

И тем не менее в первые составы команд, и мужских, и женских, выстраивалась целая очередь из претендентов, результаты которых различались наносекундами, и все они тянули руки, чтобы занять свое место среди топовых гребцов.

Когда дело касалось спорта, у Ван Ёок полностью отсутствовал дух соперничества. Но среди элиты гребцов соперничество было напряженным; если тебя не вырвало после упражнений на тренажерах, значит, ты не особо старался. Ван Ёок это казалось какой-то странной дикостью. Неужели так важно, что ваша команда на какую-то долю секунды обойдет или, наоборот, отстанет от команды другой школы? Глубоко погружившись в размышления над этим непонятным, чуждым для нее поведением учащихся школы Кроуторн, она даже подпрыгнула от испуга, когда Билли, чтобы привлечь ее внимание, положил руку ей на плечо.

– Прости, – заметив ее ошарашенный вид, с виноватым выражением сказал он.

– Все нормально. – Ван Ёок поправила набитый тяжелыми учебниками рюкзак.

Это неловкое движение словно подстегнуло Билли. Одним быстрым неожиданным движением он взял у Ван Ёок рюкзак и понес его, шагая с ней в ногу, по-прежнему в одних шортах.

Она так и видела, как он швыряет его через забор, бросает в мужской туалет или открывает и вытряхивает все содержимое посреди овального двора, который они сейчас пересекали.

– Можно я, пожалуйста?.. – Ван Ёок протянула руку за рюкзаком.

– Он весит целую тонну. – Билли посмотрел на свои часы. – Вот дерьмо. Мне еще нужно в душ, поговорим потом.

Ван Ёок продолжала тянуть руку, при этом стараясь не показать паники.

– Я оставляю его у твоего шкафчика.

И Билли побежал через двор с ее рюкзаком у себя за спиной.

Что, черт побери, он делает? Там был ноутбук. Ланч. Свитер. Все учебники по английскому и математике. Дорогущая камера, хорошая и новая, купленная через «Кэш Конвертерс». Запас тампонов на день. Она не могла позволить себе лишиться всех этих вещей. Может, самого Билли ей и не догнать, но Ван Ёок была твердо намерена не терять свой рюкзак из виду. Она трусцой последовала за ним. После поездки в «Маунт Фэрвезер» она продолжала держать себя в форме и бегала как минимум три раза в неделю, так что, когда Билли – слава тебе, Господи! – вбежал в корпус одиннадцатых и двенадцатых классов, между ними оставалось метров восемнадцать. И удивительно, но он – да! – свернул в направлении шкафчиков.

Холли, Тифф и Ава зашли как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ван Ёок, задыхаясь, бежит вслед за Билли к шкафчикам одиннадцатых классов.

– О, вы только посмотрите, что за убожество! – выпалила Холли.

– Пусть себе бежит, ей все равно его не догнать, – сказала Тифф.

Ава лишь насмешливо фыркнула.

Когда Ван Ёок подбежала к своему шкафчику, Билли как раз ставил рядом рюкзак.

– Не хочешь спросить меня, как я выполнил упражнения на тренажере?

– Как ты выполнил упражнения на тренажере? – одновременно спросили Ван Ёок и Холли.

– На отлично! – ухмыляясь, ответил он и повернулся, чтобы вернуться в спортивный корпус. – Шесть тридцать.

Холли подошла к Ван Ёок и встала слишком близко.

– Он не с тобой разговаривал. – От одной мысли об этом они с Авой прыснули от смеха.

У Ван Ёок не было иллюзий относительно своего места в здешней иерархии – самый низ. Но кое-что, хоть и казалось странным, было очевидно. Билли смотрел ей прямо в глаза. Он говорил с ней, и это потрясаяще, пусть даже говорили они об упражнениях на тренажере.

Она не гордилась тем, что украдкой посмотрела, какие виды спорта нравились Билли. Иногда, стоило ей открыть браузер, как ее пальцы начинали жить своей жизнью. Ван Ёок расстегнула рюкзак – все еще влажный от его пота – и начала, как в тумане, выкладывать свои учебники.

– Детка, вы бы точно встречались, если бы не эта гонка, – донесся до нее голос Авы.

– О, может быть. Даже не знаю, мы просто переспали пару раз по-дружески. – Холли ответила нарочито безразличным тоном, но явно хотела, чтобы у них с Билли все было серьезно.

* * *

Ей понадобился почти целый день, чтобы прийти в себя. А это непросто, учитывая, что после последнего урока у нее была назначена встреча по поводу ее первого портфолио.

Мисс Халаби, учительница рисования, сразу приступила к делу.

– Расскажи мне о своей работе, я уже жду не дождусь, когда смогу все увидеть.

Для Ван Ёок это значило так много: ее пугала, даже сковывала сама мысль о том, что она ни с кем не сможет поделиться своим видением искусства. Но постепенно ее бешено колотящееся сердце успокоилось, и она смогла рассказать о планах на два года. Учительница мигом воодушевилась.

Ван Ёок показала мисс Халаби несколько уже сделанных работ, снимки крупным планом. Она фотографировала таинственные сокровища – маленькие, спрессованные металлические штучки, которые попадались в тротуарах в том месте, где она жила.

Она не знала, как они туда попали, было у них или нет какое-то функциональное назначение. Когда Ван Ёок была маленькой, то представляла, что это ценные древние монеты, которые каким-то образом поднялись из земных недр. И даже сейчас, когда она уже знала, что на этом материке нет никаких древних монет, для нее в них все равно оставалась какая-то магия.

Яркие кованые кусочки серебра, наполовину погребенные в иссиня-черном асфальте. Может, это были метки местных землемеров. Иногда их окружали брызги краски. На них отпечатались тысячи шагов. Втопанные. Незатейливые. Незаметные. Ван Ёок собиралась создать работу, в которой хотела показать радужную красоту этих «монет». Она выбрала двенадцать штук и терпеливо снимала их в разные часы дня, когда солнечный свет играл на их поверхности. Ей хотелось сделать что-то типа переливающейся кольчуги. И это только начало. Для одного-единственного портфолио Ван Ёок нужно было снять и собрать воедино сто сорок четыре фотографии.

Следуя этой же модели, она планировала работать и с другими материалами. Следующий ее проект должен был состоять из фотографий старых кусочков стекла, которые незаметно доживали свои дни на кое-каких пешеходных дорожках Мельбурна. Они были своего рода фонариками для цокольных этажей домов, построенных в викторианскую эпоху, и казалось, что это драгоценности, выпавшие из швов зданий и тротуаров.

Потребуется примерно такое же количество их снимков. Всего портфолио состояло из шести частей. Ван Ёок хотела, чтобы ее работы показывали, что даже, казалось бы, самые незначительные вещи могут захватить наше внимание и что самые крошечные детали могут оказаться поистине монументальными. Более того, она хотела перевернуть само представление о том, что можно/нужно считать монументальным.

Ван Ёок надеялась, что собранные воедино части портфолио создадут картину города, каким она его знала, – огромного, но сотканного из крошечных деталей и незначительных моментов.

Она хотела, чтобы художественная работа несла в себе столько идей, что боялась, как бы ее амбиции не превысили ее возможностей. «Смерть прервет ее труд»⁹, если, немного переделав, процитировать Китса.

К тому времени, когда Ван Бюк закончила попытки поделиться своим видением, которое совершенно ясно сложилось в ее голове, она уже вся покраснела от напряжения.

Мисс Халаби кивала.

– Здесь столько отличных, требующих размышлений тематических сложностей и технических задач, что все эти два года, на которые рассчитана программа, тебе точно будет чем заняться. Жду не дожусь, когда смогу увидеть больше. Знаешь, работая над этим проектом, не переставай думать о единой картине, которая объединит все части, потому что ты как минимум раз десять будешь чувствовать, что сходишь с ума. Тебе придется напоминать себе, какой грандиозной работой все это обернется.

– Я понимаю. Надо повозиться.

– Я подкину тебе две идеи, одну практическую, а вторую теоретическую. – Учительница поднимает вверх перепачканный краской палец. – Пять минут потереть диск тряпочкой плюс немного спирта – это сэкономит тебе два часа работы в «Фотошопе». – Она поднимает второй палец, тоже в пятнах краски. – И поразмышляй о значении всех этих снимков. Каждый раз, работая с ними, спрашивай себя: «Что они значат?» И, что еще важнее: «Что они значат для меня?» Чем больше в проекте индивидуального и личного, тем более универсальным он станет.

Чем больше индивидуального и личного...

Хорошо.

«Личное» и «индивидуальное» – эти понятия в ее семье были почти чужими. Но она должна будет попытаться. Еще один самостоятельный полет. Но Ван Бюк уже к этому привыкла.

Вряд ли нашлись бы еще два других слова, которые сильнее бы подтолкнули к зияющим дырам в ее жизни. А дыры и вопросительные знаки были там повсюду.

⁹ Из сонета Джона Китса «Когда страшусь, что смерть прервет мой труд...» 1818 г. (В пер. В. Левика.)

7

Каждый год, сколько Ван Ыок себя помнила, примерно в одно и то же время ее маме начинало нездоровиться. Она словно исчезала, прячась в своей раковине, как улитка, которую ткнули палкой.

Пару лет назад Ван Ыок осознала, что все не так просто, как пытался все это выставить ее *ба*: это не было обычным переутомлением. Как-то раз ее вдруг осенило, что мамина депрессия наступает в то же время года, когда родители покинули Вьетнам. В прошлом году они услышали и диагноз: рецидивное посттравматическое стрессовое расстройство, ПТСР. В этом году лечение должно было быть правильным. Не одно только устранение симптомов. В этом году все будет по-другому. Она скрестила пальцы, чтобы так и было.

* * *

«Все сложно» (да-да, то самое клише из Фейсбука) – именно так звучало идеальное определение ее отношений с родителями. И точно так же было у всех детей австралийцев вьетнамского происхождения в первом поколении, которых она знала.

Иметь родителей, переживших ужас, о котором ты даже знать ничего не хочешь, – значит, разделить с ними груз всех тех рисков, на которые они пошли (ради тебя), всех страданий, через которые они перешагнули (чтобы тебе никогда не пришлось страдать), лишений, на которые им пришлось пойти (чтобы ты ни в чем не нуждался), чувств, которые они испытывали, оказавшись вдали от родины (чтобы у тебя был дом и ты чувствовал себя безопасно). Это было действительно очень тяжело. Для всех.

Если бы только любовь и раздражение могли смешаться в безмятежный нейтралитет! Но такого не бывает. Эти два чувства как масло и вода. Каждое со своей определенной плотностью. Либо одно, либо второе. Никакого смешения. Никакого нейтралитета.

Деби помогла Ван Ыок понять смысл давления в духе «будь счастливой, будь успешной». Ее мать пережила Холокост, что было самым худшим из того, что вообще могли пережить чьи бы то ни было родители.

* * *

Вот что она слышала непосредственно от мамы о бегстве из Вьетнама в Австралию: ничего.

С детства она начала задавать вопросы. Например, когда ее родители перебрались из Вьетнама в Австралию. Папа говорил, что они уплыли из Вьетнама на лодке, приплыли в Малайзию, а оттуда их переправили в Австралию. Какое-то время она думала об этом, как о притче про Ноев ковчег, но со временем стало ясно, что ничего лирического в том путешествии не было.

Ее родители были «беженцами на лодке», хотя в те времена, когда они прибыли в Австралию, в этом выражении не осталось теперешнего яда.

Когда они покинули Вьетнам в тысяча девятьсот восьмидесятом году, маме был двадцать один год. Отец был на год старше. Ее тетя, Хоа Нюнг, которая, судя по всему, жила в Сиднее, но с которой они никогда не виделись, бежала вместе с ними. Ей исполнилось девятнадцать. Но почему они никогда не разговаривали с ней? Почему она никогда не приезжала в гости?

Через годы после их почти случайного прибытия в Дарвин (он же кишачий москитами малазийский остров, за причаливание к которому они не переставали благодарить богов),

после переселения в Мельбурн (первой остановкой был хостел «Лансдаун»), после обязательных, но недостаточных занятий по английскому языку, после устройства на работу, где второй язык им почти и не нужен был, после размещения в муниципальном жилье спустя семнадцать лет родилась Ван Ыок.

Так что вдобавок ко всему прочему ее родители были еще и старыми.

Было ли ее имя, Ван Ыок – Облако желаний, – как-то связано с теми временами, о которых никто не хотел говорить?

Зачем им надо было так долго ждать?

Может, у родителей были проблемы с зачатием?

Они не хотели детей?

Но потом передумали?

Или она была всего лишь случайностью?

И что за две маленькие девочки изображены на фотографии, которую Ван Ыок нашла, роясь в мамином комодке, когда ей было двенадцать, и которую она порой тайком достает, чтобы еще раз повнимательнее рассмотреть? Если это ее мама и Хоа Нюнг, то почему снимок спрятали? Почему он не стоит в рамке, как ужасная фотография Ван Ыок, сделанная на окончание шестого класса? Или еще более ужасная ее фотография с первого причастия?

Какая история скрывалась за этим снимком?

Учитывая замкнутость родителей, не стоило и думать о том, чтобы задать им все эти вопросы. А *ба* однажды даже сказал: «Не спрашивай ничего у мамы. Это было тяжелое время. Плохое время».

По прошествии времени Ван Ыок увязала вместе некоторые варианты – и то лишь, что она почерпнула из своих собственных изысканий. Она лишь чуть-чуть приоткрыла это маленькое уродливое покрывало тайны – в котором по-прежнему отсутствовало множество стежков – украдкой, пытаясь понять, что же именно пришлось пережить ее родителям.

Что она должна чувствовать из-за этого? Гордость? Страх? Стыд?

Когда она наблюдала, как родители в конце рабочего дня в трансе сидят и смотрят по телику «Лучший шеф-повар Америки», то никак не могла связать их крайнюю заурядность с тем, что прочитала.

То, что выпало на их долю, не передать словами, это точно. Но разве они не понимали, насколько чужими становятся ей, отказываясь говорить на эту тему? Почему они не могли представить себе, насколько это странно – смотреть на родителей с другого конца телескопа?

Она думала о том, чтобы потребовать от них рассказать ей свою историю, задать им все неудобные вопросы, но каждый раз мужество оставляло ее. Она так и представляла перед собой Джейн Эйр, которая строго смотрит на нее и в нетерпении постукивает начищенным сапожком.

Как то, что произошло с ними, вписывалось сейчас в ее жизнь? Среди всей этой бездны несказанного, где на многое намекали, но никогда не говорили вслух, могла ли она понять и оценить их усилия, жертвы? Могла ли она сделать достаточно? Быть достаточной? Вернуть им долг – но за что именно?

В итоге за годы она лучше стала разбираться, что к чему, и история про лодку из мало-понятной сказки превратилась в кошмар.

Она лишь могла представить, какой еще больший кошмар предшествовал этому путешествию на лодке: война, ее последствия, жизнь под режимом коммунистической партии, падение Сайгона. Ван Ыок была даже рада тому, что решила поискать про все это только годы спустя.

Но теперь она уже обо всем прочитала. Это было словно непреодолимое желание потрогать качающийся зуб, и стоило ей начать, Ван Ыок больше не могла остановиться. С каждым разом всплывали все более пугающие факты, и с приливом адреналина она заставляла себя читать дальше. Многие источники того времени описывали события с неправдоподобной

жестокостью. Ее родители были совсем еще юными, когда уплыли. Как им удалось справиться с неизвестностью, страхом, насилием?

Как бы она справилась?

Да не очень.

Хватило бы ей изобретательности и смелости, чтобы сбежать?

Вряд ли.

Так что, как бы ни раздражали порой ее родители, какими бы требовательными и зависимыми они ни были, для нее они все же остались героями, старшими в любом смысле этого слова, и она бы скорее умерла, чем разочаровала их. Даже если это бы убило ее.

Дыры и вопросительные знаки были лишь частью проблемы.

Как ей удастся хотя бы попробовать убедить родителей, что дочь-художница – это не самое худшее, что может случиться в жизни? Слава богу, этот разговор предстоит не раньше следующего года. Ну она и тряпка! Ван Бюк даже услышала, как недовольно цыкнула Джейн.

8

После телефонного разговора с маминым врачом, который подтвердил дозировку анти-депрессантов (хватило одного быстрого взгляда на упаковку, чтобы понять, что мама перестала принимать таблетки), Ван Блок уже на несколько минут опаздывала в подготовительный клуб.

Она вошла в церковь вместе с последним торопящимся учеником. Ван Блок сразу же взяла на руки одну капризную малышку, Иман, чья мать сидела с одним из наставников и разбиралась со стопкой документов, присланных страховой компанией. Иман, от радости, что теперь ее носят по комнате, принялась за свою любимую игру – щекотать себе нос кончиком косички Ван Блок.

– Напитки уже доставили? – спросила Атифа, одна из мам-помощниц.

– Да, должны быть в холодильнике в подсобке, – ответила Ван Блок.

Атифа ушла, чтобы начать готовить полдник, который они раздавали в последние десять минут занятий, а Ван Блок двинулась к столу, где сидели наставники, к которым еще не прикрепили учеников. Она объединила мальчишек и учеников в пары и направилась в зону начальной школы, за которую теоретически отвечала. Все были заняты своими делами, кроме одного наставника, который пытался разобраться с одной из мамаш, пришедшей в надежде пристроить на день своих троих детей.

Ван Блок объяснила этой матери, что детям нельзя остаться на сегодня, но они могут записаться к ним, и дала ей несколько бланков, предварительно убедившись, что та поняла все, что там написано. Затем она обошла столы, где занимались дети из первых классов средней школы, и раздала им кое-какие дополнительные канцелярские принадлежности.

Ван Блок здоровалась с людьми, отвечала на вопросы, убедилась, что Мэтью, наименее противный из всех тех парней, с которыми она училась в начальной школе, объединен в пару с Тхи Нго, сейчас уже учеником восьмого класса, который в прошлом году с невероятным восторгом разговаривал с ней про математику, и в который раз, обходя кругом помещение, пыталась представить, как сюда впишутся Лу и Билли.

Через полчаса глухой гул превратился в громкий рокот. Стоял знойный день, и потоки воздуха с улицы лишь еще больше добавляли жары с примесью песка. Лица блестели от пота, и запах тел и дезодорантов, появляющийся у всех к концу летнего дня, смешался с запахом церкви, тоже сильным в столь жаркий день: сочетанием ароматов кедра, бисквитов, книг и пыли.

Она видела, где находилась Эленор, которая руководила всем этим парадом – ее всегда окружала толпа людей: родители, старавшиеся расспросить обо всем, от школьных стипендий до юридических проблем, несколько учителей с ошарашенным видом, что привели своих учеников для того, чтобы те стали наставниками, детишки, которым просто нравилось быть рядом с Эленор, и кое-кто из волонтеров, в который раз спрашивающих о первом занятии.

Ван Блок вспомнилось, как она впервые попала сюда ученицей, суперзастенчивой пятиклашкой. Эленор представила ее Деби и сказала: «А теперь вам нужно быстро и легко подружиться». Это встревожило Ван Блок, но она решила взять пример с Деби, которая, спокойно улыбаясь, произнесла: «Ну, Ван Блок, что ты сейчас читаешь?» А в конце занятия она похвалила ее: «Ты отлично читаешь! Видишь тех взрослых девочек, вон там?» Ван Блок обернулась и увидела за столиками неподалеку девочек старше себя, которые обучали учеников. «Когда-нибудь ты станешь одной из них. Будешь помогать младшим». Ван Блок не могла в это поверить, но она гордилась тем, что ее похвалили за хорошее чтение. Родители тоже очень обрадовались, когда она тем же вечером передала им этот комплимент.

Подумав о родителях, она мысленно вернулась к разговору о враче. Сколько бы она ни обсуждала это со своей матерью, та никак не хотела осознавать, что лекарствам нужно время,

чтобы подействовать. Оба родителя свято верили в то, что, приняв таблетку, *тут же* начинаешь чувствовать эффект от нее. Препарат, который выписал доктор, требовал терпения и изменения дозировки. Ее маме стало лучше, но когда она снова неделю чувствовала себя неважно, то готова была сдаться. Теперь им предстояло заново все это обсуждать. Ван Блок тяжело вздохнула.

Иман, которая все еще сидела у нее на руках, тоже тяжело вздохнула.

Ван Блок невольно рассмеялась.

9

Утром в субботу Ван Ыок проснулась вся на нервах. Простонала. Понедельник был днем, когда можно не надевать форму и приходить в обычной одежде, и Ван Ыок решила, что после завтрака, перед тем как сядет за домашнюю работу, обязательно выразит свое недовольство в письменной форме. Темой будут деньги, а вернее, их отсутствие.

Итак, одежда. То неловкое чувство, когда боишься выглядеть не так в день повседневной одежды. Это постоянная головная боль.

Моя школьная форма всегда покупалась с рук. Каждый комплект я носила в три стадии: велика, в самый раз, мала.

Да, я состою в оркестре, но стараюсь быть второй по счету лучшей гобоисткой, а не самой лучшей – родителям не по карману оплатить мою поездку с оркестром в Европу.

Я не могу позволить себе выпить кофе после школы, а если такое и бывает, то очень редко. Я не могу позволить себе заказать такси, чтобы вернуться домой после вечеринки. Я не могу позволить себе покупать одежду и обувь, в которых обычно ходят на вечеринки. Я не могу позволить себе подарки или алкоголь, которые обычно приносят на вечеринки.

Со списком учебников на очередной учебный год тоже большие заморочки. Деньги на них откладываются заранее, но их все равно недостаточно, чтобы мои родители перестали переживать. Куча времени уходит на то, чтобы отыскать подержанные учебники. А этот надвигающийся ужас, когда нужно покупать что-то дорожущее, типа ноутбука!

Растущая нога тоже та еще проблема.

Разговоры о каникулах меня лишь смущают. Фактически у меня никогда не было каникул. Мои родители, похоже, даже и не знают ничего про то, что существует такая штука, как каникулы. И я никогда не летала на самолете.

Я до смерти боюсь вопроса «Чем ты занималась на каникулах?».

Специальная одежда для поездки в лагерь – отдельный кошмар. Стресс из-за списка экипировки для «Маунт Фэрвезер» портил мне жизнь около шести месяцев. Что это вообще за штуки такие? Гетры? Налобный фонарь? Что можно купить с рук, не переживая за собственную безопасность? Мне точно понадобится именно указанное количество тех или иных предметов из списка? (Да.) Выдержат ли уже имеющиеся у меня трусики и пижамы критику общественности? (Нет.)

Больше всего на свете я не хочу, чтобы кто-нибудь пригласил меня в гости, потому что у меня нет никакого желания звать людей к себе в ответ. Мои родители не поймут и не позволят такого рода общение, и я даже представить себе не могу, как странно будет чувствовать себя тот, кто придет ко мне в гости и вдруг обнаружит, какая пропасть лежит между моей средой обитания и его.

Денег, которые я получаю за подработку, хватает на то, чтобы оплачивать расходы на телефон (не смартфон), общественный транспорт, траты на фотографии или камеру, которые не оплачивает школа, покупать повседневную одежду и обувь, а также на всякие мелочи типа походов в бассейн и редких – в кино во время летних каникул.

Я не записываюсь на внешкольные занятия, в которых задействованы родители и транспорт. Я слышала о родителях с автомобилями, которые развозят детей по дискуссионным клубам или на занятия спортом по выходным, но меня среди них никогда не будет.

Я не устраиваю вечеринки по случаю своего дня рождения. Я вообще стараюсь не говорить про свой день рождения. В Кроуторн-Грэммар я никогда не украшаю свой шкафчик в день рождения.

Я даже никогда не зависаю с остальными на трамвайной остановке, потому что идти пешком намного дешевле, чем ехать на трамвае. Так что это хорошо, что мне нравится ходить пешком.

Бесплатный макияж в МАС или МЕССА только тогда бесплатный, когда ты что-то купишь у них, так что это кажется «бесплатным» лишь тем, у кого есть лишние деньги, то есть тем, кому бесплатный макияж не так уж и нужен.

Выделить все. Удалить.

10

День повседневной одежды был мероприятием по сбору средств для поддержки одиннадцатиклассника в Сомали. Парень из Сомали для большинства одноклассников Ван Ёлок был чем-то совершенно далеким. Вероятнее всего, Ван Ёлок вообще была единственной, кто действительно знал детей из Сомали.

Она всегда давала монету в два доллара, потому что боялась, что если даст один, ее посчитают жмотом. Многие ребята приходили с целыми горстями золотистых монет – видимо, забирали все, что тем утром нашлось в кошельках их родителей. Но в то же время те, у кого была куча денег, совсем не беспокоились, что у них не нашлось и пары монет. Кто-то типа Пиппы с абсолютно невинным видом пришел бы без денег и сказал: «У кого найдется для меня золотая монетка?»

Все выходные Ван Ёлок с Джесс готовили наряд. День повседневной одежды был состязанием, показом мод – для девчонок точно, кто бы что ни говорил и как бы ни притворялся. Ван Ёлок не ждала, что будет выглядеть хорошо, ей не хотелось лишь одного – вырядиться настолько плохо, что все будут обращать на нее внимание. Джинсы. Вполне безопасно. Приличная марка, отлично сидят, спасибо секонд-хенду «Сейверс». Кеды «Конверс Уан Старс». Хорошо. Но не идеально. Приятный цвет – темно-красный. Не имеют аналогов, потому что разрисованы от руки завитками и листьями. В школу ни разу не надевались. Оранжевый шелковый топ. Опять «Сейверс». Настоящая находка, дизайнерская вещица, схваченная до наплыва охотниц за винтажными шмотками, которые набирают охапки одежды со скидкой в пару сотен процентов в маленьких магазинчиках в Фицрой-Норт. Великолепная ткань, диагональный крой, каждая складка лежит как надо.

Джесс убедила ее немного подвести глаза и нанести на губы прозрачный блеск с небольшим количеством золотых блесток. Единственным, что могло подвести, стала погода.

Учитывая, что в Мельбурн пришло лето, так и случилось.

Когда Ван Ёлок неслась через Ботанические сады, ее волосы развевались в разные стороны, остатки жаркой ночи разметал ветер, дувший на юг. За пять минут температура упала на пять градусов, на все еще теплые дорожки падали тяжелые капли дождя, оставляя черные круглые следы, а в воздух поднимался запах раскаленного асфальта. Дождь быстро усилился. Вот и плюс того, что у тебя нет итальянских сандалий с ремешками. Ван Ёлок побежала к ближайшему укрытию, маленькой беседке с крышей в форме луковицы, чтобы переждать, пока ливень утихнет. Дрожа, она вытащила из рюкзака школьный короткий дождевик с капюшоном. Она впервые нормально оделась в день повседневной одежды, и не надеть дождевик – верный способ все испортить.

Но что это такое? Что за пушистый сверток на перекладинах скамейки? Ван Ёлок ткнула его костяшкой пальца. Он был мягким и шерстяным. Из свертка никто не выбежал – ни мышь, ни таракан, ни паук. Ван Ёлок наклонилась и осторожно понюхала его. Эвкалипт. Подняв сверток, она легонько встряхнула его. Он раскрылся, словно сказочная мечта Готье: это был кардиган с длинными тонкими рукавами, связанный в волнистую черно-белую полоску... и – а что случилось с рукавами? Они словно проросли, из каждого плеча появились тканевые лепестки, красные и оранжевые, похожие на крылья, падающие вниз, переливаясь всеми цветами радуги, а их аккуратные кончики поблескивали у локтей разными оттенками фиолетового. Ван Ёлок в жизни не видела ничего подобного.

Она огляделась по сторонам, стараясь рассмотреть хоть что-то через пелену дождя. Кто же мог оставить здесь такую красоту? Рискнет ли она примерить его? Жить стало бы куда легче, если бы она смогла почувствовать себя в тепле и уюте, а не дрожать в этом противном дождевике. В этот раз Ван Ёлок понюхала кардиган по-настоящему, как опытная покупательница

магазинов поношенных вещей, особенно в районе подмышек. Свежий аромат цветов. Натягивая его, Ван Блок вдруг почувствовала, что он как будто бы был сделан специально для нее. Кардиган был как раз по уровню бедер, рукава закрывали ее длинные запястья. Крылья-лепестки давали еще больше ощущения тепла.

Проводя пальцами по изнаночной стороне одного из крылышек, восхищаясь таким потрясающим фасоном, Ван Блок наткнулась на твердый край картонной бирки. Он был прикреплен к кардигану при помощи ленты и маленькой черной английской булавки. На одной его стороне было написано: «НАДЕНЬ МЕНЯ». Ван Блок перевернула его и прочитала: «ПЕРЕДАЙ МЕНЯ». Похоже, ей повезло. Не придется снимать его. Кардиган принадлежал ей, по крайней мере на сегодня. Она оставила бирку, решив, что снимет ее потом, при лучшем освещении.

Дождь почти перестал, Ван Блок закинула рюкзак на плечо и сделала глубокий вдох.

Нет, она не провалилась в кроличью нору.

Из кустов не выпрыгнула съемочная группа, чтобы объявить, что она стала участницей нового реалити-шоу под названием «Мальчишка, который никогда не обращал на тебя внимания, заметил тебя» или «Нашла этот красивый наряд в общественном месте».

Просто в ее жизни продолжали происходить какие-то маленькие странности.

Ван Блок поспешила в школу, пытаясь успеть до следующего ливня. Проходя через школьные ворота, она решила, что может выглядеть... лучше, чем просто хорошо.

* * *

Сегодня день повседневной одежды, и поэтому у шкафчиков было оживленнее, чем обычно. Все оценивали друг друга, кто украдкой, кто не очень. Критические замечания, слова восхищения, подколы. Холли стояла, прислонившись к дверце своего шкафчика, смотрела по сторонам и веселилась как могла.

– По-моему, неспособность различать цвета это чисто мужская тема.

Тифф и Пиппа, еще две королевы подростковой моды, согласились с ней.

Убирая рюкзак в шкафчик, Ван Блок вспомнила про бирку. Она подняла лепесток, осторожно расстегнула булавку, сняла ярлычок и огляделась, чтобы удостовериться, что, кроме Майкла, никто ничего не заметил. Было бы весьма странно прийти в школу в одежде с неснятым заранее ярлычком.

Когда Ван Блок застегивала молнию кармашка рюкзака, куда убрала бирку, Холли как раз наблюдала за Майклом.

– А вот и Майкл, – сказала Холли. – О, удобный выцветший черный объединился с выцветшим черным.

В прошлом семестре в «Маунт Фэрвезер» Холли до ужаса отвратительно обошлась с Майклом, при всех унизила его, прочитав суперличное письмо, в котором он признавался в любви Сибилле Куинн. Ван Блок снова ощущала невероятную неловкость за Майкла, стоило ей лишь вспомнить, как застыло и побелело его лицо, когда Холли ради смеха выдала его секрет. Было интересно наблюдать, как изменилось его поведение. До того инцидента с письмом он большей частью игнорировал Холли, а теперь, когда она говорила какую-нибудь гадость, отвечал ей уколom на укол. Майкл вытащил из шкафчика копию «Ариэль» и папку по английскому, а потом, хотя ему явно было плевать на то, что думает Холли, сказал:

– Очередная порция бесподобной банальщины от Холли Бродерик.

– Лузер, – ответила она.

– Еще один необыкновенно язвительный и оригинальный ответ от Холли Бродерик.

Холли с ненавистью посмотрела на него, но язык прикусила. Она пасовала перед незаурядным интеллектом.

Майкл улыбнулся Ван Бюк.

* * *

Билли размашистым шагом вошел в класс, промокший насквозь, в рваных джинсах, красной линялой футболке и кроссовках популярного бренда. Пустых мест было около дюжины, но он уселся рядом с Ван Бюк. Она затылком ощущала изумленные лица одноклассников. Шутливо дернув за один из ее перышек-лепестков, он сказал:

– Привет, клевая птишка.

Вошла мисс Нортон, шикнула на них и выразила надежду, что они уже достаточно взрослые, чтобы не отвлекаться на то великолепие, которое собой олицетворяли.

Ван Бюк пыталась сосредоточиться на том, что говорила мисс Нортон, но она видела, как Холли заметила комплимент Билли, а это означало: проблем не избежать. А еще Билли Гардинер сидел прямо рядом с ней. Она слышала, как он дышит.

Мисс Нортон начала обсуждение творчества Сильвии Плат¹⁰ с того, что коротко объяснила суть курса устных эссе по английскому языку – занятия с учителем, на которых будут рассматриваться избранные произведения, с формальной оценкой полученных знаний. Вроде должно быть ничего; обсуждения один на один были как раз тем, к чему она привыкла во время своих уроков с Деби в подготовительном клубе.

Ежедневное взаимодействие с классом было куда более тяжелым. Она ненавидела, когда преподаватели, обращаясь к ней по имени, приглашали ее подключиться к происходящему – это означало, что она недооценила тот минимум, который позволял бы ей спокойно сидеть на своем месте. Мисс Нортон, строгая учительница английского старой школы с подлинным британским акцентом, была одной из тех, кого Ван Бюк побаивалась.

– Еще немного о ваших устных выступлениях, и мы продолжим. Во-первых, объединитесь, пожалуйста, в пары для практических занятий. Выберите в партнеры того, с кем до этого ни разу не работали. Мне нужна объективная информация. Никаких друзей, которые и так уже знают мнения друг друга.

Билли легонько толкнул Ван Бюк локтем.

– Я с ней.

Она посмотрела на него. И могла бы поклясться, что он, услышав собственные слова, был удивлен не меньше остальных.

– Хорошо, – сказала мисс Нортон. – Но необходимости выкрикивать никакой нет – у вас есть минута, чтобы найти пару. Для своих встреч найдите время *вне школьных занятий*, а на следующем уроке мы выслушаем доклады трех пар. И почаще заходите на страничку предмета во внутренней сети школы.

Ван Бюк старалась не смотреть на Билли. Ей явно не хотелось быть его партнершей, но и устраивать перепалку перед всем классом тоже. Может, она сможет поменяться с кем-то местами после урока. Полли, такая же тихая ученица на стипендии, почти союзник, оказалась в паре с Майклом. Майкл был почти другом, так что этот вариант, наверное, отменялся.

Билли Гардинер был лишними неприятностями. Пусть и симпатичными. Странно, всего лишь несколько дней назад парное занятие с ним показалось бы ей отличной идеей, но это только в теории, а не в реальной жизни, так что сейчас она разнервничалась.

Могла ли она хотя бы попытаться забыть о том, что его поведение, совершенно противоположное прежнему, возможно, было вызвано загаданным ею *желанием* и притягивало внимание Холли, как кусок сырого мяса собаку? Забыть, расслабиться и наслаждаться? Кхм.

¹⁰ Американская поэтесса и писательница (1932–1963).

Интересно, были ли такие проблемы у Сильвии Плат? Попадался ли ей Тед Хьюз¹¹ на каждом шагу, куда бы она ни пошла? Было ли у нее чувство, что она прямо-таки запинаясь об него? Хотя а разве это не Сильвия бегала за ним? Ведь была же та знаменитая история, что на их первом свидании на какой-то вечеринке она так сильно прикусила его за губу, что у него пошла кровь? Для Ван Ъок этот эпизод всегда больше говорил о позорном неумении Сильвии целоваться, чем о чем-то другом. Но, наверное, до тех пор, пока ты не познаешь столь сильной страсти, не узнаешь, что может случиться. Хотя опять же кровь – ну что в этом может быть хорошего? Должно быть, страстные поцелуи это что-то ужасное – желание засунуть язык кому-то в рот по самые слюнные железы распространяется среди юных влюбленных, как лесной пожар. Но, конечно, для Ван Ъок это никогда не было проблемой.

– Пожалуйста, откройте ваши копии «Ариэль» на двадцатой странице, стихотворение «Тюльпаны», – сказала мисс Нортон. – Лу, будь так добра, прочитай его вслух.

* * *

После занятий, у шкафчиков, Холли смерила Ван Ъок надменным взглядом. Ван Ъок передернуло. За последние пару лет она повидала немало людей, которых Холли пережевывала и выплевывала, не щадя даже своих так называемых друзей, и поэтому она старательно избегала ее, но сегодня – спасибо Билли – это, похоже, было невозможно. Холли прошептала что-то Габи, одной из своих закадычных подружек, и обе захихикали.

Холли, как обычно, блистая в платье из новой коллекции бренда «Горман», подошла к Ван Ъок и демонстративно обошла ее кругом. Потом дернула похожий на крыло рукав кардигана и сказала:

– Так-так, и в чем это мы сегодня пришли? Кое-кто решил, что у нас костюмированная вечеринка?

Ван Ъок отвернулась и с преувеличенным усердием стала убирать в шкафчики книги по английскому и доставать папку по французскому. Первым делом стоило попробовать не обращать на школьную тиранку никакого внимания.

– Я спросила, в роли кого ты сегодня пришла?

– Никого, – ответила Ван Ъок.

– Хорошо, и не забывай об этом, – сказала Холли.

Ван Ъок опустила глаза, не желая ни смотреть на Холли, ни говорить с ней. Свой гнев она сохранила до встречи с Джейн после школы.

* * *

Усевшись на диван в квартире Джесс, они поставили поднос со вкусняшками – дыней, рисовыми крекерами, хумусом и мармеладными мишками – между собой, сняли туфли и закинули ноги на кофейный столик.

– Ну и стерва, – сказала Джесс.

– Она превратила это в цель своей жизни, – заметила Ван Ъок.

– Ну и что сделала бы старушка Джейн?

Джесс знала о привычке Ван Ъок обращаться к «Джейн Эйр» и не отказывала себе в удовольствии повеселиться. Она, конечно, тоже читала книгу, и та ей очень понравилась, но у нее не было такой одержимости, как у Ван Ъок.

¹¹ Британский поэт-лауреат, муж Сильвии Плат (1930–1998).

– Ха, Джейн вытерла бы Холли пол. И воспользовалась бы теми словами, которые высказала Джону Риду. Она бы произнесла: «Противная и злая... Ты – как убийца, как надсмотрщик над рабами, ты – как римский император!»¹²

У Ван Ыок на каждый случай находилась подходящая цитата.

– И что бы на *это* сказала Холли?

– Что-нибудь типа «Что ты *принимала*, лузерша?», а потом: «Держись подальше от Билли».

Ой! Вообще-то она не собиралась упоминать Билли.

– Стоп-стоп, притормози, сестричка. Билли? Ты имеешь в виду Билли Гардинера? Парня твоей мечты? *Numero uno*¹³ «мяу»? Ты решила прекратить атаку собственным обаянием и перестала притворяться, что совершенно не замечаешь его? Выкладывай-выкладывай-выкладывай!

«Мяу» стало их собственным словечком для описания чего-то хорошего или красивого. Это началось, когда в седьмом классе они предприняли разведывательную миссию, чтобы узнать хоть что-то про секс, и прочитали невероятно горячий любовный роман, где главная героиня, драматичная и эмоциональная девушка по имени Брэнди, *мяукала* в пылу страстей. Они смеялись до слез. И тут же выбрали себе животное, чей дух собирались вызвать, занимаясь сексом, – если такое когда-нибудь произойдет. Джесс остановилась на морже, решив, что громкий рев – это то, что надо, чтобы как следует посмеяться в постели. Ван Ыок отдала предпочтение ухающей сове. Но мяуканье? Глупость какая-то. А еще Брэнди много урчала. Наверное, эта Брэнди тайне хотела быть Женщиной-кошкой, и если бы автор развил эту мысль, читать книгу стало бы намного интереснее. Но зато «мяу» навсегда осталось в их словаре.

Ван Ыок подробно рассказала Джесс о том, как поменялось поведение – да, ее «мяу» номер один – Билли Гардинера: о колбочке, о желании, о «потрясающей», о небывалом внимании Билли, об изначально твердой уверенности в том, что он запланировал какую-то гадость, о «можно, я тоже приду в подготовительный клуб», о «привет, клевая птишка» и «я с Ван Ыок».

– Так, ладно, давай хорошенько во всем разберемся. Итак, мы знаем, что волшебные желания – это полная туфта, правильно? – Джесс выразительно посмотрела на Вак Ыок, словно проверяя, не отказалась ли та от здравого смысла.

– Правильно.

– А еще мы знаем, что ты сногшибательная красотка, плюс умная и все такое... – Ван Ыок смущенно покачала головой, но прежде чем успела возразить, Джесс продолжила: – Раз уж здесь я единственная лесбиянка-в-ожидании, то, с твоего позволения, назначу себя экспертом женской красоты, так что даже не спорь со мной об *этом*. Единственный вопрос – почему сейчас? И учитывая его послужной список (всяких подлостей), наверное, ты правильно засомневалась в его мотивах. Но твои сомнения не подтвердились, так что какой у нас план?

– План? Нет никакого плана. А его шутки иногда могут быть так тщательно спланированы... Так что шансы еще есть. Поэтому как мне его избегать?

– Ну нет. Значит, считаешь, что публичное унижение вполне возможно, а то, что Ван Ыок нравится Билли, – здесь шансов ноль. Я права?

– Да.

– А вот я считаю, публичное унижение – шансов ноль, а Ван Ыок нравится Билли – очень даже может быть.

– Но я единственная из нас двоих, кто действительно знаком с Билли Гардинером, так что, с твоего позволения, я назначу себя экспертом.

– Ты признаешь, что его нынешнее поведение ему не свойственно?

– Абсолютно.

¹² Перевод О. В. Станевич.

¹³ Номер один (*исп.*).

– Значит, у тебя только один вариант – выяснить его истинные мотивы.

Ван Бюк взяла еще один рисовый крекер, подцепила им немного хумуса и принялась задумчиво жевать.

– Наверное.

– И как ты планируешь это сделать?

– Продолжить наблюдать за ним со стороны?

– Тебе пора сделать следующий шаг.

– И что ты предлагаешь?

– Пусть он придет в подготовительный клуб, раз ему так хочется.

– Seriously?

– Покажи ему себя, а потом посмотри, как он отреагирует на тебя настоящую. И к тому же как еще я с ним познакомлюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.